

Кулагина Дарья

г. Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ № 237, 10 класс

**Рецензия на спектакль «Моя Прекрасная Леди» Санкт-Петербургского
Театра Музыкальной Комедии,**

**Постановка - Григорий Дитятковский, хореограф - Надежда Калинина,
сценография – Владимир Фирер**

Руководитель - Фандюшкина Наталья Николаевна

Поставленный Григорием Дитятковским спектакль «Моя Прекрасная Леди» поистине уникальный: на сцене заключается великий союз легкой музыки Фредерика Лоу и тяжелой драматургии Бернарда Шоу.

В способности совместить, «поженить» эти два диаметрально противоположные в равной степени могущественные начала - главная ценность и сверхъестественная сила спектакля.

Постановка в музыкальном театре лишь дополнительно подчеркивает эту фундаментальную драматургию и делает спектакль, по сути дела, двояким:

- в основе – «Пигмалион», сама по себе философская «интроспективная», коварная пьеса, охватывающая множество идейных планов: от проблемы конфликта взаимоотношений создателя и создания до проблемы социального расслоения общества;

- и вторая ее версия – значительно утратившее свою серьезность музыкальное произведение, ставшее известным всему миру и названное «Моя Прекрасная Леди».

Эта двоякость выражается всеми и во всем: тут и стулья, как разграничение противопоставленных лагерей-девического и мужского, и часто противоборствующие цветовые акценты в одежде, и приемы театра теней.

Такая непростая простота декораций составляет сложную контурную систему, красками в которой предстают чеканные хореографические этюды, обрамляющие музыкальные номера.

Хотя основу спектакля составляют по-особому «литературные» диалоги Шоу и акценты Бродвейского мюзикла сильно смещены (с комического на драматическое), легкость и шарм Лоу грамотно и изящно вплетены в повествование. Именно музыка позволяет увидеть два характерных качества спектакля: серьезность и искреннюю веселость.

Центральная фигура-профессор Хиггинс (Владимир Садков) олицетворяет эти две противоборствующие силы: с одной стороны, он циничен, капризен и каждый человек для него-только объект исследования или же способ влияния на мир; все вокруг подмечают, что профессор, обладающий обширными знаниями, «совершенно невыносим» и «не умеет вести себя в обществе». А с другой стороны, он талантливо, почти с детским интересом и рвением берется обучать юную цветочницу.

Здесь раскидывается во всю даль и ширь первоначальная идея Шоу, недаром пьеса названа «Пигмалион» (не «Пигмалион и Галатее»), перед нами-поэт! И он, как поэты, мелиоратор жизни, стремящийся переделывать ее, он видит мир как преобразователь.

Всё окружающее несовершенство речи, та «невнятица обыденного слова», заметная лишь ему одному, должны быть исправлены! Идущий неизменно к своему идеалу путем возделывания мира Хиггинс всегда строго, резонерски-холодно будет везде и всегда требовать от каждого исполнять негласные законы языка, как четко выстроенную, логическую систему.

Хотя обычно принято противопоставлять логику поэзии, Г.Дитятковский через фигуру профессора делает логику объектом поэзии.

Любую мысль ученого-Хиггинса поэт-Хиггинс усилил во много раз в своей душе, возвел ее в эмоцию, которая и волнует, и заражает, и в которую верит он сам. Этим он предваряет грядущее.

«Не кабинетный ученый, ведущий малоинтересные разговоры, а художник, озаренный идеей.»

Он сам по себе непредсказуем; он под стать Андрею Белому, строками которого говорит, «постигает все так хаотично, ибо громадно.» И методы обучения его-методы художественные, выходящие за грань обыкновенного образования, настолько тонкие и рассчитанные на предельную чуткость читателя или слушателя, что для многих так и остаются непостижимыми.

Именно потому, что Хиггинс-поэт так возвышенно и лирично относится ко всем своим «теоретическим» построениям, именно потому, что он со своими созданиями логики живет, как с живыми, именно потому, что любит их, и ненавидит, и болеет ими – ему так чужда бытовая реальность. Оттого и Элиза (Вера Свешникова) для него-создание только экспериментальное, прошедшее через все кошмары его фантазии.

Поначалу кажется, она, как и все великие творения Хиггинса, будет вечно существовать на границе двух миров – мира реального и мира идей. Но Мисс Дулиттл – первая, эту грань перешагнувшая. И исключительность Элизы чувствуется сразу каждым, только сам профессор до последнего не может признать самостоятельности своего «создания». Любая деталь, даже одежда Леди – кутюрные платья Кристиана Диора – точное выражение ее уникальности.

На глазах публики в хрупкой девушке, фигурка которой в теневых этюдах делается совсем тоненькой, открывается столько очарования, столько мощной безумной красоты и невероятной силы, что и режиссер, и исполнительница, и вслед за ними каждый зритель проникается личным, «субъективным» отношением к ней.

Вообще, все остальное общество в спектакле обезличено не случайно. Декорации просты и ясны, и оттого легко и талантливо переносят зрителя к античному источнику, возвышают, как миф. Кажется, ничто на сцене не соблюдает строгий порядок: ни стулья, то лежащие, брошенные впопыхах, то нестройно выставленные в рядок, ни лестничные установки, заменяющие и столы, и полки, находящиеся в постоянном передвижении.. Но все это на

самом деле очень грамотно выстроенная закономерность образов, тонко говорящая зрителю о еще одном важном мотиве спектакля – взаимовлиянии.

Пусть даже внешне профессор не изменяется вовсе и Элиза для него только часть его самого, воплощение его, мечта или душа, и, говоря с ней, он говорит будто бы с собой, вглядываясь в собственные черты, он открывает в себе столько же, сколько и мисс Дулиттл.

Окончательное смешивание черного с белым (в декорациях) – это именно о взаимовлиянии Хиггинса и Элизы: каждый в равной степени стал другим человеком.

Финал оставлен открытым неслучайно: композиционно закольцовывая спектакль, зрителя возвращают к первоначальным идеям изменившихся персонажей. Здесь все-реальность и символ одновременно.

Великая идея пьесы Шоу, ее главная суть, много раз спрятанная и забытая, раскрывается перед публикой со всей своей отчетливостью. Это проповедь подвижника, воплощающего собою волю, рвущуюся к далекому, забытому идеалу, к своему почти непостижимому небу. Спектакль сотканный из противоположностей, о вере в человека и верности идее, будто бы предназначен сегодняшнему и завтрашнему зрителю.